

Как же это объяснить? Сказать, что Хэ Цзинлинь, полный энтузиазма, выбил для него возможность, а он тут же хочет продать её кому-то другому в обмен на секретный рецепт, правдивость которого неизвестна? Сказать, что он болен, что внутри него живёт чудовище, и он согласился быть с Хэ Цзинлинем только потому, что тот когда-то проглотил артефакт, способный усмирить это чудовище?

... Он ошибался в нём, но объяснить это было невозможно.

Хэ Цзинлинь ждал долго, и его горячее ожидание постепенно угасало, превращаясь в глубокое недоумение и разочарование. Он опустил голову на грудь Цзян Фэна, глубоко вдохнув пару раз.

Ремень безопасности, обмотав запястья, автоматически затянулся, и его грубый, острый край царапал кожу, вызывая жгучую боль. Цзян Фэн тихо застонал, после чего его рубашка была резко разорвана, и пуговицы с грохотом посыпались на пол. Прежде чем звук разрыва ткани успел стихнуть, его сосок оказался во рту Хэ Цзинлиня. Умелые движения языка быстро сделали его твёрдым, а затем—

Хэ Цзинлинь сильно укусил его.

— Мм...

Укус был настолько сильным, что острая боль пронзила грудь и прошла через спину. Цзян Фэн смотрел, как мужчина поднял голову, слизал каплю крови с уголка губ, а его обычно спокойные глаза горели от гнева и желания.

Такой Хэ Цзинлинь пугал его, и он начал бороться, но ремень, туго обмотавший запястья, было трудно разорвать. Ноги, беспорядочно дёргаясь, оказались раздеты, а брюки сброшены в сторону. Пальцы грубо проникли внутрь, сделали несколько движений, а затем горячий член упёрся в него.

— Так ты, возможно, запомнишь... кому ты принадлежишь... — прошипел Хэ Цзинлинь, понизив голос.

— Нет...

Взгляд Цзян Фэна был почти умоляющим, но в следующую секунду раздирающая боль безжалостно пронзила его. Подготовки и смазки было недостаточно, а без прелюдии он даже не возбудился, тело оставалось полностью напряжённым. Такой секс для него был равносильен пытке, он даже не мог издать звука, только сгорбился от боли, дрожа всем телом.

Хэ Цзинлинь упрямо оставлял на его теле мелкие ранки, а затем слизывал капли крови. Толчки внутри заставили Цзян Фэна стиснуть зубы, а слёзы наполнили глаза. Повторяющиеся стимуляции простаты всё ещё приносили удовольствие, и даже предэякулят уже увлажнил его живот, но огромная боль заставляла его тело оставаться напряжённым, а член между ног оставался вялым.

Даже когда Хэ Цзинлинь кончил глубоко внутри, Цзян Фэн всё ещё был мягким, его член жалко свисал в сторону, явно не получив никакого удовольствия от этого акта.

— Отпусти меня...

Цзян Фэн сквозь зубы проговорил это, сдерживая боль.

Крайнее удовлетворение немного прояснило разум Хэ Цзинлиня, ранее помутнённый ревностью. Увидев кровоточащие раны на груди Цзян Фэна и беспорядок внизу, он осознал, что зашёл слишком далеко, и поспешил освободить его запястья.

Первую же секунду после освобождения Цзян Фэн изо всех сил ударил Хэ Цзинлиня в челюсть.

— Я для тебя такой человек? А?!

Он закричал, и слёзы, которые до этого держались в глазах, наконец пролились.

Не дожидаясь ответа, Цзян Фэн натянул штаны, открыл дверь и вышел из машины. Сильно разорванный внизу, он резко вдохнул от острой боли, когда вес тела пришёлся на ноги.

Затем дверь с грохотом захлопнулась.

Когда Цзян Фэн вышел из машины Хэ Цзинлиня, дождь всё ещё шёл. Хотя весенний дождь не был слишком сильным, за несколько секунд он промок насквозь.

Конец апреля был ещё довольно холодным, и Цзян Фэн, поверх рубашки накинувший свитер, теперь был полностью мокрым, и никакой защиты от холода не осталось. Раны на груди и внизу тела жгли от дождя, вызывая пронзительную боль. Он прошёл всего несколько шагов, когда почувствовал, как что-то тёплое потекло по его бедру, липкое ощущение было крайне неприятным.

— Чёрт...

Цзян Фэн всегда думал, что Хэ Цзинлинь — это тот человек, который ни при каких обстоятельствах не прибегнет к насилию. Этот человек всю жизнь играл роль идеального представителя элиты общества, распространяя своё сияние на весь мир, заставляя всех уважать, восхищаться и подчиняться ему. Такой человек скорее наслаждался бы завоеванием сердец на равных, чем унижался бы до применения силы или насилия.

До сих пор Цзян Фэн не считал это впечатление ошибочным. Просто между ними что-то начало выходить из-под контроля.

«Чёрт!»

Он снова ругнулся про себя.

От виллы Хэ Цзинлиня до квартиры Цзян Фэна было почти 70 км. Даже в хорошем состоянии быстрая ходьба заняла бы около десяти часов, а сейчас, когда всё тело болело, он едва мог двигаться. Позвонить такси было бы неплохо, но он действительно не хотел, чтобы кто-то видел его в таком непрезентабельном виде.

Самое главное — он не хотел оставаться рядом с Хэ Цзинлинем. Ни на секунду.

Поэтому Цзян Фэн продолжал идти, стиснув зубы, думая, что хотя бы отойдёт подальше и потом найдёт машину. Проблема была в том, что он прошёл всего сто метров, как услышал звук шин, скользящих по мокрой дороге, и свет фар осветил его сзади, не собираясь отступить.

Он остановился, оглянулся на машину, но из-за яркого света фар ничего не разглядел.

— ... Неужели не отстанет.

Он буркнул это и продолжил с трудом двигаться вперёд.

Цзян Фэн знал, что Хэ Цзинлинь тоже сожалеет о случившемся. Человек, долгое время находившийся на вершине и почти не допускавший ошибок, однажды совершив ошибку, с трудом мог опуститься до прямого «извини, я был неправ». То, что он сейчас последовал за ним, явно было попыткой извиниться. Если бы Цзян Фэн сейчас вернулся в машину, Хэ Цзинлинь сделал бы всё возможное, чтобы загладить вину.

Но вернуться сейчас? Это было бы просто шуткой.

Цзян Фэн даже не оглянулся, просто продолжал идти, ни на секунду не останавливаясь. Надо отдать должное Хэ Цзинлиню — он ехал на машине так, что расстояние между ними почти не менялось, даже тень Цзян Фэна под светом фар оставалась той же длины. Они словно соревновались на дороге: один упрямо не сдавался, другой упрямо не отступал.

Так они шли более четырёх часов, и дождь прекратился. Цзян Фэн посмотрел на карту Google и подсчитал, что прошёл лишь пятую часть пути. Колени болели, ноги уже не сгибались, а долгая ходьба истощила его силы, он давно уже был голоден.

К сожалению, машина всё ещё следовала за ним.

Человек, соревнуясь с машиной, очевидно, проиграет. Цзян Фэн понял, что больше не выдержит, и просто сел на ступеньки у дороги. Когда он присел, рана внизу тела снова дала о себе знать, но хотя бы ноги получили немного отдыха.

Вскоре Хэ Цзинлинь заглушил машину и вышел к нему.

— О, Хэ-цзун, какое совпадение, тоже ночью вышли прогуляться?

Цзян Фэн медленно массировал ноющие ноги и сказал это без особого восторга.

Хэ Цзинлинь нахмурился и сел рядом. Цзян Фэн хотел отодвинуться, но крайняя усталость заставила его остаться на месте, и он позволил Хэ Цзинлиню сидеть рядом.

Они молчали некоторое время. Затем Хэ Цзинлинь резко обнял Цзян Фэна за плечи и нежно поцеловал его в лоб.

— Прости, Сяо Фэн, прости. Ты можешь злиться на меня, но не мучай себя.

Цзян Фэн на этот раз действительно удивился, его движения слегка замедлились. Хэ Цзинлинь воспользовался моментом, чтобы накинуть на него чистую куртку из машины, а затем наклонился, чтобы помассировать его ноги.

<http://bllate.org/book/16452/1492467>